

1.

Я жму на ржавую кнопку звонка, вделанную в забор. Ничего не происходит. Я вижу горячую рубероидную крышу за забором и пытаюсь слышать электрическую трель в доме, но в воздухе стоит лишь стрекотание кузнечиков да шум горной речки, протекающей здесь же, по краю огороженного глухим и неряшливым забором участка. У меня возникает подозрение, что звонок сломан, и я довольно-таки нелепо кричу куда-то поверх забора: «Грааф»!

Сестра утверждала, что теперь он отзывается только на это имя и что мне следует обращаться к нему именно так, а не иначе, если я хочу хоть чего-то от него добиться. Но дело заключалось как раз в том, что ничего от него добиваться я не хотел и тащиться в эту романтическую даль у меня не было никакой охоты — вернуть Граафа домой хотела сестра. В Москве мы перезванивались с ней с периодичностью примерно два раза в год, и, когда в прошлый раз я сказал, что еду в С., откуда был родом наш с ней общий отец (матери у нас разные), она разволновалась. Дыхание

Андрей Тавров

ее сбилось. Было слышно, как на втором плане в наступившей паузе утка Бритни Спирс подзывала криканьем своих несмышленных чад.

2.

— Послушай, — сказала Марьяна, — зайди, пожалуйста, к моему мужу.

— Он что, в С. отдыхает?

— Он не отдыхает, он туда сбежал и теперь там живет. Уже больше года.

— С кем сбежал? — спросил я нетактично.

— Ни с кем. Сам по себе, — сказала сестра. И добавила: — Если не врет.

— А сама почему не съездишь?

— Невозможно. Он заперся и ни с кем не видится. Вообще ни с кем, пойми. Я звоню, он бросает трубку.

— Почему ты думаешь, в таком случае, что он со мной захочет разговаривать?

— Ты был единственный, кто ему понравился из моих знакомых. Он сказал, что у тебя есть своя музыка.

— Что?..

3.

— ...Что-что он такое сказал? — переспросил я.

— Своя музыка. Он решил, что у тебя есть своя музыка. Ну, внутренняя музыка, что ли, то, что ты там внутри слышишь, я так понимаю.

Кукла по имени Долли

Я подумал. Я пытался вспомнить лицо Граафа, которого видел мельком два раза в жизни, но мне это не удалось.

— А что я слышу? — спросил я.

Марьяна вежливо промолчала.

— Хорошо, — сказал я, потому что надо же было что-то сказать. — Попробую. Но ничего такого не обещаю.

— И не надо, — сказала Марьяна. — Просто постарайся с ним повидаться.

И вот я здесь. Солнце палит всюю, и джинсовая рубашка на груди потемнела от пота. На цементной дорожке раздавленная желтая алыча, над которой вьется пара ос, балансируя над собственными размытыми тенями. Я стою, бессмысленно упершись в кнопку звонка, неподвижно застыв в этой позе, и слегка покачиваю головой, как китайский болванчик.

Кто бы мог подумать, что через несколько минут...

4.

...я буду стоять посреди этой странной комнаты, похожей не то на мастерскую живописца, не то на ателье модного кутюрье. Впечатление безалаберного и стильного праздника усиливали обрезки деревянных планок, ярких парчовых лоскутов (один из которых ало и душно горел в луче солнца) и мотков медной проволоки, разбросанных по по-

Андрей Тавров

лу. К высокому потолку ателье был подвешен медленно вращающийся на сквозняке изощренных форм и линий мобиль, в символике которого разобратся с первого захода взгляду не удалось.

Дверь скрипнула, и я обернулся. В проеме прямоугольника, за которым виднелись предварительные очертания следующего помещения, стоял очень высокий и очень бледный человек в зеленом бухарском халате. Вероятно, от этой зелени он и казался бледнее, чем обычно. Он выглядел бледным, веснушчатым мертвецом от этой нарочитой зелени, прорезанной почти черными мягкими тенями вырытых складок. Внезапно он развел руки, словно раскрывая мне объятия, и тут же на свет из подмышек вырвались десятки шнурков с подвешенными к ним колокольчиками и мелкими грузиками. Шнурки были пришиты к рукавам халата на манер ленточек кожаной ковбойско-индейской куртки и, раскачиваясь в воздухе, позванивали на разные лады.

Он так и стоял, раскинув руки крестом, а медные колокольчики ходили вразнобой под рукавами халата, позвякивая и вспыхивая на солнце, бьющем из-под бамбуковых жалюзи.

5.

Это был тот, ради кого я сюда притащился, я просто не сразу разглядел его лицо в этой нестерпимо нездешней и пошлой роще, зеленой,

Кукла по имени Долли

бледной и шелковой. И еще я никогда не думал, что он так высок. Он был выше меня почти на голову. Когда он шагнул ко мне, центр тяжести, казалось, повис у него за спиной, а Грааф лег наклонно на воздух, который каким-то непонятным образом его выдержал. Голые ноги в шлепанцах были еще белее лица. Такая кожа бывает у рыжих, но Грааф не был рыж.

— Здравствуйте, Лео, — сказал он. — Я рад, что вы пришли.

— Меня попросила сестра... — начал было я.

— Довольно об этом, — отвечивал Грааф, и тут я обратил внимание на странную метаморфозу, произошедшую с лицом моего фантастического родственника, — глаза его стали раскосы. То ли я раньше не замечал их формы, то ли Грааф сделал что-то со своей физиономией, но ощущение было не из приятных. На мгновение меня посетила нехорошая мысль — что не Грааф это вовсе, что это кто-то другой — так много было непривычно нового в этом человеке, но Грааф, вероятно угадав мои сомнения, произнес:

— Да-да. Теперь я китайский подданный. Аристократ из Китая. Я раньше вам не говорил про китайскую аристократическую кровь, а это непреложный факт. Совсем немного, но есть. В вас ведь, например, есть цыганская кровь — мне Марьяна рассказывала. На каком-то году жизни кровь эта начинает доминировать.

Грааф вдруг замолк, как на стенку наехал.

Андрей Тавров

Ленты его рукавов доставали до пола, казалось, они теперь отвердели, выпрямились, и Грааф стоял, как яванская кукла на подпорках. Я вдруг сообразил, что, в сущности, ничего не знаю не только о Граафе, но и о самой сестре. Ну да. Что я о ней знал такого, кроме того, что Грааф у нее был третьим мужем и что она не пришла на похороны нашего отца, и что глаза у нее были зеленого цвета. И еще, как однажды она целый вечер крутила в руках портсигар, а потом там что-то щелкнуло, и он взял да и заиграл, а она сказала, какая чушь этот Вивальди. Больше ничего не знал.

— Каковы ваши планы? —...

6.

... — спросил я.

...

...А *они* располагались в несколько рядов — один над другим, и подобное великолепие я видел только однажды — на репетиции «Вишневого сада» в Центре Высоцкого, где проходящие над сценой по второму и третьему ярусу актеры, одетые в нездешние костюмы, напоминали райских птиц, слетевшихся сюда с какого-нибудь острова Ява темной волшебной ночью, как раз и придавшей им в силу своей ласковой оптики нужное увеличение, и вот теперь они двигались над залом, подсвеченные снизу, отливая фиоле-

Кукла по имени Долли

товым слюдяным глянцем и распуская малиново-зеленые перья, еще теплые от пропитавшего их тропического света.

Но если актеры излучали тайну радостную и чуть обреченную, то куклы, о которых здесь идет речь, почему-то тревожили и настораживали меня. Я уже давно пристрастился при каждом удобном случае разглядывать их хрупкие, то капризные, то застывшие на неоконченной гримаске фарфоровые личики, но пользовался для этого преимущественно экраном компьютера и случайными глянцевыми фотографиями в мимолетных журналах.

И вот сегодня я почему-то спустился в этот подвал, мимо которого прежде проходил без остановки, несмотря на то, что чудесные персонажи из тканей, пластмассы, глины, драгоценных камней и фарфора были видны еще с улицы, и каждый раз, проходя мимо, я собирался как-нибудь к ним зайти и разглядеть их поближе — но месяцы шли, менялись женщины, с которыми я приходил в это здание напротив Парка культуры, менялись сами обитатели Кукольного Дома, а я все медлил заглянуть и присмотреться к тревожащей меня загадке, от которой — знал! — держаться бы мне подальше. И вот я здесь. И вот я вслушиваюсь в их молчаливые пульсации, похожие на чрезвычайно нежные и утонченные (до полного исчезновения) лягушачьи, поющие по обе стороны рта шары.

Андрей Тавров

7.

— Планы? Но, Лео, дорогой мой, об этом же не скажешь в двух словах, — учтиво отвечал Граф, наклоняясь к полу и подбирая разбросанные малиновые обрезки шелка.

Вероятно, глядя на эти кусочки нарядной ткани, я сейчас и вспомнил о куклах в музее.

Первую звали Ниоба. Глазами темными, как ночь, она смотрела в пространство между немногочисленными посетителями, и сколько я ни пытался поймать ее взгляд, мне это не удавалось. Она то ли отводила глаза, то ли я так и не смог настичь ту метафизическую точку, *откуда кукла видно как она есть на самом деле*.

Вторая была облачена в небесно-голубой, прозрачный наряд, в котором чувствовалось стремление кукольного кутюрье как к предельному обнажению сказочно-андерсеновской стилистики, так и тенденция к недосказанности, неоконченности сказки, плавно кочующей в силу этого в условное пространство какой-нибудь великосветской тусовки, снятой на телекамеру, куда одна из прелестных и бездарных в речевом плане посетительниц заявила в таком вот странном виде, окутанная облаком невозможного Orium'a. Ее метафизическую скрепку я открыл с первого раза. Бедную девочку разъедал кукольный рак, и жить ей оставалось совсем немного. И когда это произойдет, никто, кроме меня, не заметит, как

Кукла по имени Долли

покинет ее душа, как глаза ее утратят влажный отблеск и как погаснет крохотный золотой хрусталик, вложенный заботливым и искусным мастером в нежное кукольное сердце. Я хорошо запомнил ее туфельки цвета топленого молока с оттенком цветущего каштана. И я знал, что она пойдет за мной, если я позову, потому что я мог даровать ей вторую жизнь.

— А вы надолго сюда? Отдыхаете? — задал сразу два вопроса Грааф. И не дожидаясь ответа, предложил:

— Хотите, поживите у меня — дом большой.

Этого я совершенно не ждал. Ведь приехал я к затворнику, таиннику и мизантропу. Во всяком случае, дело мне представлялось именно так.

8.

Я живу у Граафа уже неделю, днем езжу в город и жарюсь на солнце на пляже санатория, а ночью беру скрипку, которая ночует вместе со мной, лежа на раскладушке, установленной рядом с кроватью, и, прижав ее щекочущий и чуть прохладный обвод к кадыку, подхожу к окну и слушаю, как в черной прорве объемно и тяжело, словно ночное ядро, неистовствуют цикады. Внизу, в овраге, бежит речка, и кваканье лягушек смешивается с пением насекомых. Вверху, словно выметнувшийся из костра шар искр, застыли звезды.

Андрей Тавров

Музыка моей скрипки слышна мне одному. Я вспоминаю растерянный голос Александра в тот день, когда Даша сбежала из дома накануне венчания и через двадцать минут появилась в моей квартире, а лицо ее блестело от слез, как глянцевая фотография. Она приподнимала платье одной рукой, ее ноги были видны выше колен, и от нее пахло виски.

В тот же миг раздался звонок.

— Я знаю, она у тебя, — сказал Александр. — Верни ее. Верни ее, Лео. Она тебя послушает.

— Откуда ты узнал, что она здесь? — спросил я Дашиного отца. — Откуда, Саша?

— Я тебя прошу, — сказал он, — привези девочку назад. Не дай ей сломать себе жизнь.

Я привез ее назад, и венчание состоялось. Вся процедура заняла меньше получаса. В тот же вечер молодые отправились в путешествие по Испании. Я тогда не мог предположить, что с этого дня моя прежняя жизнь кончится и сменится бессрочным адом.

9.

Большую часть своей жизни я прожил в предчувствии. Оно, это предчувствие, начиналось с того, на чем, затихнув в последних четырех строках, кончился «Фауст». Я ждал этой встречи, и созданный моим воображением образ незнакомки отсвечивал розовым и голубым. Я ждал ее,

Кукла по имени Долли

ошибался, принимал за нее других участниц своей жизни, разочаровывался, однажды пытался, помнится, застрелиться, прощал и снова ждал. После сорока я понял, что брежу. Еще через несколько лет я увидел, что бред становится смешным, навязчивым, бездарным, разрушительным и всем чем угодно. Из снежно-розового он принял окрас жестко металлический с претензией на рентгеновскую серебристость просвета.

Еще через какое-то время, выпав из трехлетней бредовой любовной истории и придя в себя лишь год с небольшим спустя, я отправился в Питер и в гостях у друга встретил его дочь, которая никогда с ним не жила и имя которой, несколько раз мелькнув в его рассказах, осело на дно моей памяти, словно взбаламученное песчаное облачко.

Скорее, Муза, скорее сюда! Роза и снег, все оттенки телесного от Гогена до «Вога»! Скорее, скорее, сюда! Сюда, все самое банальное, самое пошлое, самое безыскусное и пугающее, ибо именно в банальном, пошлом и пугающем сокрыта гениальность житейская, как в заурядном метеорите порой сокрыт ген и снежинка бессмертия с иных берегов. Скорее! Потому что я хочу описать ее — и не ее даже, а тот полый цветовой спектр, похожий на воздушную нишу, в которую она была навечно заключена, вечно ее нарушая, прорываясь, выпрастываясь то локтем, то выбившейся прядью волос, от чего телесный и розовый

Андрей Тавров

свод ниши растягивался, обматывая ее и повторяя движения, словно тонкая эластичная простыня. Сюда, кукольные рюши, серебряные рощи, фарфоровое личико, — сюда! Сюда, крохотная туфелька с пряжкой, сюда, жук злой, золотой и гудящий в кустах лиловой сирени! Сюда, шелковые пряди несравненной светловолосой головки! О, скорее сюда, розовое и голубое, ибо я задыхаюсь! Ибо то, что сбыться не может, сбылось наконец-то — сюда, моя Муза!

10.

Метнется, метнется позже рука моя к карману, нащупывая второпях среди мертвых ключей таблетку нитроглицерина, сыграет со снежной плашкой низ языка в холодок, отзовется сердце сквозной серебристой булавкой, занует, пройдет.

И смотрел я и думал: случилось! А уже поражение жизни моей, подозрение жизни моей и презрение всей жизни моей превращалось в пенье и жженье, в сияние. Ибо то, что всегда делало меня человеком второго сорта, романтичным и немодным, не доверяющим ни своему Богу, ни себе самому, отныне сияло евангельским жемчугом на моей ладони, и не жалко мне было отдать за него всю оставшуюся свою жизнь.

Бог ты мой, что же за день это был! Май гудел за отворенным во двор окном, визжали качели, и запах черемухи балансировал меж хрупких вис-

Кукла по имени Долли

ков. Вода лупила в раковину на кухне, и было слышно, как под сильной струей дребезжало какое-то блюдо. А на улице дул ветер и собиралась гроза.

Самое же поразительное началось позже...

11.

В такие дни все словно покрыто пылью, как покрыта тонким ее налетом дорога, придорожные розы, колесо велосипеда, ангельские личики птиц, ботинки и джинсы, а особенно — стекла. Именно сквозь пыльное стекло двери, отделявшей одну затененную комнату от другой, солнечной, я и увидел, как китайский аристократ стоит на коленях перед невероятно женственным существом и, лепеча какие-то бессвязности и почти пуская слюни, как младенец, прижимает к своему — и отсюда было видно, что раскаленному лбу — высокие ноги, объемно прорисованные по ткани длинного и, как мне показалось, покрытого золотыми блестками платья. Я захотел остаться незамеченным, и мне это удалось.

Я знал, что Марьяне я ничего сообщать не буду, но лишний раз понял, что все на свете устроено крутящимся на немногих тайных нитях, одна из которых ведет к женщине, а имена двух или трех других вы знаете не хуже моего. И что попытка сочинить что-то более возвышенное и неожиданное обречена на неудачу, и не тем пер-

Андрей Тавров

сонажем, который в этой попытке участвует, а самой жизнью.

И еще, я обещал себе, что обязательно найду возможность поговорить с девушкой, потому что я был уверен, что она живет в этом доме. Непонятно только, зачем Граафу надо было приглашать меня разделить его кров и стол, если здесь же, под этим кровом, он поместил, и сделал это тайно, — предмет своей пылкой страсти, прекрасную длинноногую деву, одетую в кукольный наряд.

12.

Она висела на тонких лесках, уходящих наверх, к высокому потолку. Лицо ее было вызолочено, что не мешало голубым глазам сиять глубоким и каким-то умиротворенно царственным блеском, который можно заметить на лицах совсем маленьких и нагловатых девочек, матерящихся в подземном переходе, где они тусуются со своими сверстниками, и который проступает на некоторых профилях фресок, исполненных Джотто. А поскольку маленькие девочки и слыхом не слыхивали о Джотто, пусть это будет не Джотто, а какая-нибудь киноактриса, ну, скажем, Николь Кидман, в которую мимоходом, по оплошности, запорхнул печальный и великий ангел и теперь смотрит на мир сквозь ее глазницы, еще не понимая, что произошла нелепая подмена.

Тело ее расположилось в воздухе слегка наклон-

Кукла по имени Долли

но, как будто она собиралась пойти вперед, или, что ближе, помещалась под невидимой в данный момент носовой мачтой в виде ростральной статуи, несущейся над лазурно-зеленой влагой, все время перекрывая ее собственной тенью с точеным обреза носика и еле заметным холмом груди.

Она висела на лесках, слегка шевелясь на сквозняке, и через несколько минут мне стало ясно, что это самая лучшая, самая виртуозная, самая гениальная из всех когда-либо мной виденных кукол.

Это была кукла Граафа — и теперь я не сомневался в том, что...

13.

...он делает кукол. Мало того, что в занятии этом он — великий мастер.

Вечером мы с Граафом сидим в ресторане на побережье — ага, он все-таки выбирается из своего затвора! — тихо играет музыка, а в чернилах моря медленно странствуют золотые точки судов. Грааф одет в белый спортивный пиджак и рыжие вельветовые брюки. Он курит и роняет пепел на скатерть, губы его нежно-лиловые. Он внимательно наблюдает за велосипедистом в розовой майке, балансирующим между прогуливающимися парами на набережной.

—Обратите внимание, — говорит Грааф, — все они восходят к одной.

Я пытаюсь понять, о чем идет речь. Грааф во-

Андрей Тавров

просительно всматривается в меня, морщит лоб, спохватывается и поясняет.

— Представьте себе, что черты, отличающие всех женщин на свете, и красавиц, и дурнушек, все эти их дифференцирующие особенности стремятся указать на некий единый женский образ. А также и черты, всех их объединяющие, общие для всех, они ведь тоже содержат в себе предварительное представление о некоем существе и отсылают нас к нему, как, скажем, общность индоевропейских языков отсылает нас к единому праязыку. То есть многократные черты различия стремятся слиться в один женский тип, а не менее многочисленные свойства сходства — в другой. А точнее говоря — образовать двух женщин.

— Красавицу и монстра? — спрашиваю я.

— Все дело в том, что совершенно непредсказуемо, какая из них будет красавицей, а какая монстром, — отвечает Грааф.

— А не дублируют ли они друг друга? — спрашиваю я. — Собственно говоря, не будут ли они одной и той же женщиной?

— Только ей они и могут быть, — говорит Грааф. И добавляет: — Как и все остальные.

14.

Я смотрю на набережную и стараюсь не слишком вникать в эти рассуждения. С Граафом мне хорошо. Он совершенно не навязчив и не аг-

Кукла по имени Долли

рессивен. Есть в нем что-то домашнее, устойчивое, несмотря на великолепный и непредсказуемый его бросок сюда, в страну кукол, красоток и обрезков красной парчи, раскиданных на полу.

Велосипедист вынужден выставить загорелую ногу и упереться в асфальт. Время от времени слышно, как разбивается о гальку волна. Если бы можно было все повторить снова, отпустил бы ты прибежавшую к тебе девочку в подвенечном платье? Как она в нем, вообще, оказалась? Почему со мной вечно происходят эти тяжелые, вычурные, немислимые вещи? Почему мне надо выкидывать вбок то одну, то другую ногу. Почему несет меня на гоночном велосипеде на променада набережной, где я нелепо топчусь на одном месте, боясь зацепиться за все эти фантастические наряды, вместо того чтобы, тихо подвывая от радости, гнать по живописному проселку?

Хватит ли меня еще раз на то, на что хватило Граафа? На еще один безумный поступок, который, верю, не принесет мне ничего, кроме стремительного и смертельного счастья, похожего на всегда уменьшающийся пейзаж в зеркальце заднего вида?

15.

Нашел! Нашел! Сегодня это случилось. В поисках Граафа я забрел в его кабинет, где за открытой дверью, прежде мной незамеченной,

Андрей Тавров

нашел целое царство великолепных кукол. Кого только тут не было! Розовые мармеладные девочки, куклы-школьницы, куклы-фрейлины, куклы — Мерлин Монро, куклы-паиньки, вампириши... — не меньше трех десятков, и все они выполнены в человеческий рост и сидят в комнате размером с класс за партами. Ни одной мужской среди них я не увидел. Голубые, розовые платья. Синие топы. Курортные широкие брюки. Сначала я подумал, что это тридцать жен Граафа, которых он прячет от мира и с которыми сотворил что-то непонятное, раз уж они сидят за партами, не шевелясь, почти втянув головы в плечи, словно ожидая, что вошедший их накажет. Но я тут же увидел, что они мертвы. Странная мысль. Кукла не может быть мертва. Она всегда слегка одушевлена невидимым облаком, от тайно-серого до тайно-золотого (что много реже) цвета. Когда я присмотрелся к ним, я увидел, что жизнь не покинула их, но словно входит и выходит, как будто раскачиваются стеклянные качели, закрепленные у них в макушке. От этого они едва уловимо переливались и словно бы похрустывали, а у одной дрогнули ресницы, пока я на нее тарачился. Она была лучшая из них. Я услышал ее имя. «Долли, — сказал я, — тебя зовут Долли, моя дорогая девочка». Хлопнула дверь в доме, и я поспешил покинуть комнату райских призраков.

Кукла по имени Долли

16.

Я сижу в кафе под платанами и допиваю третью кружку пива вместе с приятелем-журналистом. Когда-то мы вместе работали. Крона платана шумит в бризе, и от этого по крышке столика бежит солнечная неразбериха, продолжаясь на незагорелых руках и рубашке моего визави. Автомобили шуршат шинами и обдают нас дикарской музыкой, летящей из окон. Проезжает иномарка с вальсом, из которого я ухватываю целый такт, потом другие — с попсой, разбавленной маловнятными голосами «пацанов». Я жду автомобиля с музыкой сфер, и она приходит. Я различил ее после того, как мы распили бутылку виски. Я ее услышал. Я понимал, что пьян, и радовался этому.

— Теперь я знаю, чьи он ноги обнимал, — говорю я журналисту.

— Какая разница, чьи ноги, — отвечает он.

— Это для тебя нет разницы, — говорю я. — А для меня есть.

Он задумывается.

— А ты, вообще, обнимал чьи-нибудь ноги? — спрашиваю я Никиту.

— Да, — говорит он неуверенно. — Ноги — это не главное.

— Ноги — это важно. Ноги — это как хвост у черепахи. Держат направление.

— Я обнимал ноги жены, когда она хотела меня бросить, — говорит Никита.

Андрей Тавров

— Не бросила?

— Бросила. Но ноги — это не главное. Тут в городе живет один художник. У него жена без рук и без ног. Вообще без рук и без ног. У нее их никогда не было, и он их никогда не обнимал, потому что обнимать там нечего, сам понимаешь. И она его не обнимала, потому что нечем. Он с ней нянчится и дарит ей цветы.

— Познакомь, — говорю я.

— Поехали.

Мы встаем из-за стола и ловим машину. Меня трясет. Потом это проходит.

17.

Крона платана, душная, как зеленая бутылка с кораблем внутри. Педаль сцепления скрипит. Таксист-осетин играет Шумана, заверчивая его в баранку. Я представляю первую ночь с безрукой и безногой невестой. От этого мне кажется, что я сам становлюсь торсом, и мне нечем вытащить сигарету из пачки.

18.

Он был хил и подвижен. Глаза его светились, как две голубые лужицы, когда, угощая нас виноградом и разливая по фужерам саперави, он рассказывал о своем новом мотоцикле, казалось, совсем не обращая внимания на то, что сидела на-

Кукла по имени Долли

против... На стенах мастерской картин не было, зато в окно глядело море, раскаленное до металлического блеска. В углу громоздился огромный торс рыцаря, сваренного из частей авиационного мотора. Хозяйка была прелестна. Несколько раз она подливала нам рубинового цвета горьковатое вино и пила сама. Я заговорил с ней о куклах, но она перевела разговор на модные линии парфюма. Потом ушла в другую комнату и появилась только через час, когда мы с Никитой уже уходили. Она протянула мне небольшую работу, изображавшую Пьеро. Он танцевал и плакал на лунной поляне, над ним завис то ли вертолет, то ли гигантский кузнечик, а из-за кустов подглядывали две острые мордочки, похожие на ежей. Это были Арлекин и Коломбина. Луна над поляной походила на обглоданный кусок сыра, а из вертолета в нее целилась подзорная труба с прозрачным глицериновым стеклышком, таким же теплым и стеклянным, как руки хозяйки и ноги ее, светящиеся там, где чуть ниже шорт загорелая кожа переходила в вазелинообразный материал исключительных по красоте бедер и голеней.

19.

Как же разговаривают ангелы? Может быть, как медузы, когда они медленно устремляются к одним им известной цели. Это только кажется, что они дрейфуют, несомые течением. Нет. На са-

Андрей Тавров

мом деле они медленно сжимают и разжимают свой желейный объем, фильтруя соленую воду, которая представляется им, быть может, не менее сухой, чем нам — морозный воздух. Они сжимают и разжимают себя, и они точно так же сжимают и разжимают воду, формируя ее вокруг собственного усилия продвинуться в плотном текучем пространстве, а значит — поведать ему что-то. Рот без возможности его слышать сам по себе похож на медузу. Все дело в скорости и окружающей среде. Когда рот в попытке что-то сообщить о себе движется медленнее, чем обычно, он плывет в воде. У ангелов нет рта, которым они говорят, и у человека он не обязателен. Подобно медузе, ангел говорит всем своим прозрачным телом, но делает это медленнее медузы. Настолько медленнее, что его не каждый способен расслышать. Ведь если время медузы пусть неторопливо, но все-таки кое-как течет вперед, то у ангела, при его сверхсветовой скорости, оно устремлено в обратную сторону. То есть оно устремлено в обратную сторону по отношению к тем существам, которые живут в среднем человеческом времени — сам по себе ангел времени не ощущает. И когда, маленький и хрупкий, словно кузнечик или высушенная солнцем статуэтка, он оказывается на книжной полке, мы его не слышим. Я сказал, что у ангелов нет рта, но можно прийти и к прямо противоположному выводу — ангел и есть один рот, одна весть, одно слово. И для нас его речь обгоняет его

Кукла по имени Долли

самого, потому что шепчущего ангела мы не видим и принимаем его послание за посторонние звуки, а ангела кричащего мы не воспринимаем, точно так же, как не замечаем воздуха вокруг себя или не фиксируем ударов собственного пульса по барабанным перепонкам — сухого, горячего, гулкового. Когда ангел кричит и вы это слышите — в тот же миг сбываются все ваши заветные мечты и желания. Время выворачивается наизнанку, и гора Моисея дымится.

20.

Куклы постоянно находятся в крике ангела, но при этом лишены возможности двигаться. Для того чтобы сбылись их желания, им нужен кукловод — тот, кто этого крика не слышит, но через движения куклы, одушевляемой им, способен его воспринять. Опытные кукловоды в один голос утверждают, что во время представления не они руководят куклой, а все происходит как раз наоборот. Именно кукла, утверждают они, управляет ими, именно она, проникая своей интуицией в интуицию артиста, направляет его руку и эмоции. Но ничего не зная о тайной вести всемогущества, они не способны его получить. И все же анонимное присутствие совершенной силы ими чувствуется, и оно их завораживает. Иногда им начинает казаться, что они могут выпрыгнуть в другой мир, и тогда не будет этого тяжелого запаха кухни и

Андрей Тавров

пеленок, а фонарь на улице засветится не вечным желтком и не золотом даже, а станет похож на незабудку или луну. Он может даже стать похожим на жирафа или незнакомого человека, которого всегда хотел встретить, и вот теперь понимаешь, что знал его всю жизнь и просто по врожденной тяжести и робости скрывал это от самого себя. Или лифт после верхнего этажа пойдет дальше, минуя крышу. Или вдруг отменят деньги. Или красный свет светофора станет цветом не остановки, а поощрения. Им многое кажется, но их ошибка в том, что они не верят в то, что им кажется. Точнее, они верят, что им это кажется, а на самом деле так не бывает. Тем самым они лишают себя возможности воспринять Синайское могущество, посылаемое им куклой через крик ангела. То же самое происходит с женщинами, которых они, зачарованные странным профессиональным предчувствием, себе выбирают. Но они никогда не зачаруются им до того, чтобы разглядеть в нем истину.

21.

Каждая кукла в идеальном своем плане, доступном не всякому зрению, только пронизательному, представляет собой фигуру, которая в стереометрии называется додекаэдр. Вернее, похожую на додекаэдр фигуру. Она столь же прозрачна и завершена в своем замысле, столь

Кукла по имени Долли

же восхитительно бесплотна, как и этот недоразвитый до совершенства шар, но граней у нее намного больше — почти бесконечное на первый взгляд количество простых геометрических фигур. Их так много, что сам додекаэдр издали больше похож на мяч, и все же это кукла. Это ее алхимическая душа, в которую может встроиться, а может и миновать ее — душа бессмертная. Во всяком случае, когда такую фигуру пускают бежать и катиться по белому ватману, то траектория ее движения довольно-таки непредсказуема. Она угловата и все время выпадает на грань, то вправо, то влево. Если грани вымазать чем-нибудь пачкающим, например чернилами или светящимся фосфором, то рисунок фрагментов, отпечатавшихся на белом листе, будет столь же прихотлив и нелинеен, как главы, которые я сейчас пишу, или полет бабочки. На таком языке кукла рассказывает сама о себе, соприкасаясь со слушателем на первый взгляд беспечно и бестолково, как катящаяся игральная кость с сукном, а на самом деле столь же фатально и грозно, как это бывает, когда играют не на жизнь, а на смерть, ну, скажем, в русскую рулетку.

22.

Я опять зашел в кукольный гарем Граафа. Они были так же прелестны и оживлены, как в прошлый раз. Мне надо было совершить посту-